

© 2024 г. А.Н. АРДАШНИКОВА, Т.А. КОНЯШКИНА

ЗА ФАСАДОМ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ: О РЕЗУЛЬТАТАХ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ МИССИИ ХОСРОВА-МИРЗЫ 1829 года

Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; ORCID: 0009-0002-7569-5794; Researcher ID: HCl-4163-2022

Коняшкина Тамара Александровна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; ORCID: 0000-0001-9170-1803; Researcher ID: HCl-9578-2022

Аннотация. В статье анализируется один из ключевых этапов в истории становления российско-иранских отношений в первой трети XIX в., в результате которого опыт государственного строительства России был взят на вооружение иранской сановной бюрократией. Точкой отсчета этого поворота стало пребывание в России в 1829 г. иранской искупительной миссии, связанной с гибелью в Тегеране посольства во главе с А.С. Грибоедовым. Церемониально-гостевая сторона этого визита исчерпывающе отражена в дневниковых записях секретаря иранского посольства Мустафы Афшара и донесениях российского сопровождения миссии, введенных в круг иранистических исследований в 1970 г. и 2003 г. соответственно. Однако значительная часть оригинального персидского текста путевых записок М. Афшара осталась вне внимания специалистов и в данной статье впервые используется в качестве источниковой базы. Представляющий собой серию автономных сюжетов, этот раздел дневника явился плодом совместных усилий российской и иранской бюрократии по созданию благоприятного образа России. Анализ этого раздела позволяет по-новому оценить значение визита искупительной миссии, его конкретные результаты и политические последствия для истории межгосударственных отношений России и Ирана.

Ключевые слова: Хосров-мирза, Туркманчайский трактат, Россия, Иран, внешняя политика, дипломатические отношения, образ страны, дипломатические документы, Мустафа Афшар, травелоги.

A.N. Ardashnikova, T.A. Konyashkina

Behind the Facade of Ceremonial Diplomacy: The Results of Khosrow Mirza's "Redemption" Mission of 1829

Anna Ardashnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; ORCID: 0009-0002-7569-5794; Researcher ID: HCI-4163-2022

Tamara Konyashkina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; ORCID: 0000-0001-9170-1803; Researcher ID: HCI-9578-2022

Abstract. This study examines a pivotal moment in the history of Russian-Iranian relations in the early nineteenth century, when the experience of Russian state-building was adopted by the high-ranking Iranian bureaucracy. The initial phase of this turn was marked by the arrival in Russia in 1829 of the Iranian "Redemption" mission following the Tehran massacre of the Russian embassy, which included its leader, the Minister Plenipotentiary Alexander Griboyedov. The ceremonial aspects of this visit are fully reflected in the travel accounts of Mustafa Afshar, secretary of the Iranian mission, and the Russian escort reports related to the event. These have informed Iranian studies since 1970 and 2003, respectively. Nevertheless, a substantial portion of the original Persian text from Mustafa Afshar's travelogue has yet to be examined by scholars, and is introduced here for the first time as a source for this study. This part of the diary comprises a collection of discrete narratives, collectively assembled by Iranian and Russian officials with the objective of fostering a positive image of Russia. The analysis of this text enables a reassessment of the historical significance, tangible outcomes, and political implications of the visit in the context of interstate relations between Russia and Iran.

Keywords: Khosrow Mirza, Treaty of Turkmenchay, Russia, Iran, foreign policy, diplomatic relations, country image, diplomatic documents, Mustafa Afshar, travelogues.

*Ибо тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные
и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать.
М. Блок. «Апология истории»*

В конце XVIII — начале XIX в. на Среднем Востоке, где сталкивались интересы России, Великобритании и Франции, завязывается сложный узел экономических и политических противоречий. Немаловажную роль в них начинает играть каджарский Иран, который в эпоху Наполеоновских войн включается в орбиту внешней политики великих держав. Особое место в этом процессе занимают российско-иранские отношения: вошедший еще в начале XVIII в. в сферу непосредственных геополитических притязаний России Иран столетие спустя был вынужден признать свое поражение в двух войнах с ней и поступиться значительной частью территорий.

По мнению исследователей, одна из главных проблем каджарского государства заключалась в том, что оно не имело очерченных границ. Они существовали как память о сафавидском прошлом, правопреемниками которого самозванно объявили себя Каджары, не обладавшие благодатью предшественников — потомков Али. Несмотря на то что каджарские шахи рассматривали земли Южного Кавказа как законную часть своей территории, владельцы которых временно отмежевались от центральной власти в период политической смуты второй половины XVIII в., часть местных правителей пыталась самостоятельно распорядиться этой случайной независимостью, подкрепив ее союзом с влиятельным соседом — Россией.

ТУРКМАНЧАЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Включение Среднего Востока в сферу влияния Запада, переплетение собственно европейской политики и интересов колониальной экспансии ведущих государств Европы заметно осложняли ситуацию. Предлагая «союз и дружбу» иранскому трону, Великобритания и Франция «видели в Каджарах наемников, живущих за пределами цивилизованного мира... Возглавляя крупные и, по общему мнению, эффективные части иррегулярной кавалерии, Каджары могли бы быть полезными против врага, действующего на расстоянии от их собственных земель»¹. Расширение числа «союзников» за счет европейцев, чьи щедрые посулы, финансовая и военная поддержка подтолкнули дипломатическую активность Ирана, вывело новую династию за пределы привычного региона и положило начало формированию образа Европы XIX в.: каджарский трон выступал в качестве принимающей стороны и засылал своих представителей — дипломатических агентов и случайных порученцев — в Лондон, Санкт-Петербург, обращается к Высокой Порте, Наполеону Бонапарту, а после реставрации монархии во Франции — и правительству Бурбонов. Неизменным, пожалуй, оставался лишь «инициированный» двором образ России, в котором доминировали рожденные войной карикатурно-враждебные черты². Глашатаями этого официозного мифотворчества стали представители духовенства, для которых русские не только были «нечистыми» в религиозном смысле, но и вызывали отвращение своими бытовыми привычками³. Придворное поэтическое окружение шаха насаждало представление о русских как о разбойниках, связанное с воспоминанием о казачьем «походе за зипунами» Степана Разина, грабившего Каспийское побережье, и как о «воинстве злых сил», отражавшее картины войны XIX в.: «С бранью косматые русские, крича, тащили грохочущие барабаны. ... Все они похожи на дивов с колдовскими помыслами, их военачальники — свирепые звери... Они разбойники, подобные Ахриману»⁴.

Тяготы войны, которые испытывали обе стороны, сформировали конфронтационный характер переговорного процесса и прямолинейность языка ермоловско-грибоедовского этапа российской дипломатии. Так, до сих пор остается открытым вопрос об эффективности миссии в Иране А.П. Ермолова в 1817 г., который во время переговоров с валиагдом⁵ Аббасом-мирзой, практически «не скрываясь», хлопотал о приискании нового кандидата на место наследника престола и намеренно нарушал иранский придворный протокол. Рассуждая об обычаях и церемониале персидского двора, предписывавших снимать обувь перед входом в покои шаха и валиагда, чему следовали французы и англичане, Ермолов категорически отказывался подражать этим «угождениям», роняющим его достоинство посла великой державы, и заключал: «А как я не приехал ни с чувствами Наполеонова шпиона, ни с прибыточными расчетами прикащика (текст оригинала. — А.А., Т.К.) купеческой нации, то я не согласился на красные чулки и прочие условия»⁶. Не скупилась на откровенно вызывающие шаги и иранская сторона, демонстративно игнорируя условия Гюлистанского договора, особенно в таком болезненном вопросе, как четкая демаркация

¹ Ingram E. Britain's Persia Connection, 1798—1828: Prelude to the Great Game. Oxford, 1992. P. 15.

² О роли «образа чужого» в политике см., например: Люльчак А.С. Трансформации образа Турции в советской сатирической прессе 1940-х — 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1

³ Подробнее см.: Matthee R. Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars // Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective. New York, 2012. P. 101—126.

⁴ Arinpur J. Az Saba ta Nima. Tehran, 1971. P. 24—25.

⁵ Наследником иранского престола (перс. *валиагд*) Аббас-мирза был признан Россией только в 1819 г. Впрочем, по предложению Фатх-Али-шаха, Туркманчайский договор налагал на Россию обязательство признания престолонаследником любого из сыновей по усмотрению шаха.

⁶ Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (дата обращения: 06.04.2024).

границы с Российской империей, остававшимся нерешенным в течение пятнадцати лет, вплоть до подписания в 1828 г. Туркманчайского трактата⁷.

На этом фоне гибель российского посольства во главе с А.С. Грибоедовым, только начавшего свою работу в Иране, выглядела трагическим завершением давно назревавшего острого конфликта, превратившего миссию в заложника самых разнообразных политических и финансовых обстоятельств⁸. К ним в первую очередь стоит отнести предусмотренные Туркманчаем выплату Ираном очередной части контрибуции, необходимость репатриации частных лиц и дезертиров российской армии, поступивших на службу к иранскому трону, и, наконец, раздражающее поведение части свиты посольства, набранной в Тифлисе из «случайных людей». Не последнюю роль сыграло и отсутствие дипломатических даров, задержавшихся в пути⁹.

Вынужденный действовать строго в соответствии с условиями договора, который вызывал недовольство каджарского двора, возмущение духовенства и «людей базара», российский посол превращался в нежелательную фигуру. Нерасторопность шахской власти, которая, не ожидая погрома, возможно, считала уместным продемонстрировать народный гнев, чтобы уменьшить бремя контрибуции, лишь завершила дело.

Чреватое новой войной, это чрезвычайное событие сыграло роль поворотного момента в отношениях двух государств. Его знаком стала искупительная миссия иранского двора, на которую возлагалась обязанность от лица власти принести извинения российской стороне. Это было болезненным решением для каджарского суверена, который, считая себя униженным поражением, не исключал возможность нового военного столкновения с Россией (теперь уже в союзе с Османской империей). Однако осведомленный об этих настроениях российский наместник¹⁰ на Кавказе И.Ф. Паскевич (1782–1856) в письме наследнику престола, кратко обрисовав возможные неприятные последствия подобного опрометчивого шага, заявил: «Вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать»¹¹. Вняв доводам Паскевича, иранский двор в скором времени озаботился выбором главы посольства, решив возложить эту непростую миссию на Мирзу Масуда Гармруди, влиятельного сановника из канцелярии валиагда Аббаса-мирзы, отвечающего за внешние сношения. По мнению же российской стороны, посольство должен был возглавить представитель правящей династии, которым стал одобренный Паскевичем принц Хосров-мирза, один из сыновей престолонаследника, несмотря на молодость (ему было около шестнадцати лет), имевший некоторый дипломатический опыт. Состав посольства был усилен присутствием главнокомандующего (амир-незам) армией наследника Мирзы Мухаммад-хана Зангане. Среди других сопровождающих Хосрова-мирзу лиц выделяются Мирза Салех Ширази, представлявший в рассматриваемый период иранский трон в Тифлисе, административном центре российского Закавказья, и Мирза Таги-хан Фарахани, в будущем один из самых известных государственных деятелей, с именем которого связан начальный этап реформ в каджарском Иране¹².

⁷ Договоры России с Востоком. Политические и торговые / собр. и изд. (с историческим обзором) Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 223–227.

⁸ Подробнее см.: *Базиленко И.В.* Тегеранская трагедия 1829 г. в истории российско-иранских отношений // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 168–182.

⁹ Начиная с XVI–XVII в., когда отношения между Московским царством и сафавидским Ираном приобрели стабильный характер, «любителные поминки» или «царские челобития» становятся обязательной частью дипломатического протокола. Они считались демонстрацией могущества монарха-дарителя, его дружеского расположения к адресату, а также подтверждали высокий статус посла, «являвшего» эти дары.

¹⁰ Официальная должность И.Ф. Паскевича – главноуправляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области.

¹¹ Цит. по: *Балаян Б.П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967. С. 270.

¹² О составе ядра миссии см.: *Балащенко Ю.Д.* Путешествие по Кавказу в 1829 году искупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-мирзой // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 330–332.

Новую границу, установленную Туркманчаем, «великое иранское посольство» пересекло 2 мая 1829 г. В состав миссии входило (по разным подсчетам) до 140 человек, включая челядь. Часть ее была из Тифлиса отправлена назад, но тем не менее посольство оставалось самым представительным из всех, которые Иран делегировал к северному соседу, начиная с Аббаса Великого (XVI–XVII вв.).

АПОЛОГИЯ ИМПЕРИИ: ОБРАЗ РОССИИ В ДНЕВНИКЕ МУСТАФЫ АФШАРА

Известно, что записи своих впечатлений вели сразу несколько членов иранской миссии, и в донесениях российского сопровождения неоднократно мелькает фраза «не оставил заметить у себя на бумаге»¹³. Принято считать, что по следам миссии было написано сразу три дневника — авторства самого Хосрова-мирзы, Салеха Ширази, уже имевшего опыт заграничных вояжей, отраженный в его пространных путевых заметках, и чиновника дивана переводов Мустафы Афшара¹⁴. Впрочем, в донесениях членов российского сопровождения имеется глухое упоминание о том, что Мирза Таги-хан также вел «ежедневный секретный журнал путешествия»¹⁵. Ни один из дневников, кроме сафар-наме М. Афшара, не сохранился, так что он остается единственным свидетельством пребывания искупительной миссии в России, зафиксированным самими иранцами.

М. Афшар привлекал внимание исследователей только как автор путевых заметок, имя которого стало известным после издания его сочинения «Дневник путешествия в Петербург»¹⁶, на обложке которого он был упомянут как обладатель почетного прозвания «Баха ал-молк» («Блеск государства»). Поездка в Россию в скромном качестве сотрудника канцелярии переводов, вероятно, стала точкой отсчета в его чиновничьей карьере. Известно, что впоследствии М. Афшар был назначен на должность правителя Кермана, одного из крупных провинциальных центров страны. Далее его следы теряются.

Дневник М. Афшара представляет собой пространное сочинение, разделенное на шесть глав, хотя завершающая, в которой должен был быть отражен обратный путь миссии, так, по-видимому, и не была написана. Жанровая принадлежность первой и второй глав («О путешествии из Тебриза до Петербурга» и «О пребывании в Петербурге») не оставляет сомнения: перед нами вариант литературно-документального сочинения сафар-наме (путевой дневник), чрезвычайно популярного в классической традиции Ирана со времен халифата. Тематическим и структурным стержнем таких текстов является маршрут, авторское повествование разбивается на временные отрезки с указанием местоположения пишущего. Первые две главы дневника, таким образом, представляют собой характерный образец путевых заметок, относящихся к срединной прозе, которая адресована, так сказать, *urbi et orbi*, а значит, предполагает сочетание информативности и занимательности. То обстоятельство, что эта часть обширного повествования М. Афшара является летописью официального визита Хосрова-мирзы¹⁷, не противоречит принципу синтеза документальности и художественности, свойственному дневнику путешествий как жанру. Тем не менее личные впечатления автора здесь вторичны. Важнейшей задачей для него является поддержание государственного престижа. Автор как наблюдатель отходит на второй план, уступая место чиновнику, являющемуся выразителем интересов власти.

Что же касается трех следующих глав этого дневника, которые составляют 40% общего текста, то они выходят за рамки указанного жанра. Здесь не важен маршрут, отступает на второй план хронотоп и при этом доминирует желание автора дать по возможности полную и разностороннюю характеристику увиденного. Данная часть сочинения существует

¹³ Персидское посольство 1829 года // Российский архив. 2003. Том XII. С. 192.

¹⁴ Melville F. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian Encounters. Empires and revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. New York, 2013. P. 72.

¹⁵ Персидское посольство 1829 года. С. 226.

¹⁶ Afshar M. Safar-name-he Khosrov-mirza beh Pererzburg. Tehran, 1970. P. 342.

¹⁷ О следовании миссии по России см.: Байбурди Ч.А., Борщевский Ю.Е. Искупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник «Рузнама-йе сафари Петербург» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970. С. 390–441.

только на языке оригинала. Она никогда не была объектом научного интереса и априори оценивалась как «каталог общих сведений»¹⁸, не несущий значимой смысловой нагрузки. На наш взгляд, изъятие фрагментов из авторского текста, к которому М. Афшар относился как к единому целому, и признание самодостаточности только первой его части таит опасность существенного сужения исследовательского поля и может повлиять на принципиальную оценку как самого произведения, так и роли, которую сыграла миссия Хосрова-мирзы на новом этапе российско-иранских отношений.

Одним из главных отличий этого выпавшего из внимания исследователей блока глав является обобщающий характер сведений, не привязанных к конкретным датам и местам, а разделенных на рубрики по тематическому принципу. Дневник путешествий с его внешними атрибутивными характеристиками уступает место очерковым запискам, отражающим авторские впечатления, с одной стороны, и справочнику, содержащему упорядоченные сведения о северном соседе Ирана как государстве, — с другой. Подобная манера подачи информации в виде списка или каталога (перс. «фехрест») имеет в Иране длительную историю, уходящую в доисламские времена. Такая разножанровость вызвана тем, что автор сочинения выступает здесь в трех разных, но связанных друг с другом качествах: он — путешественник, заинтересованно фиксирующий особенности чужого мира, собеседник, задающий уточняющие вопросы, и переводчик, что соответствовало его главным профессиональным обязанностям.

Как и любой «экскурсанта», М. Афшар включает в свой текст описание путешествия как дороги. Первое, на что он обращает внимание, а вслед за ним и все иранцы, совершавшие в каджарскую эпоху поездки на север, — это удобство и безопасность передвижения. И через полвека именно безопасность путей сообщения восхитит проезжающего по России Насер ад-Дин-шаха Каджара (1848—1896)¹⁹.

Путь у М. Афшара измерен видимыми издали верстовыми столбами с черно-белыми полосами, «похожими на змей»²⁰, указывающими направления к городам и расстояние между почтовыми станциями, дающими приют путнику. Отметим, что спокойствие посольства было нарушено лишь единожды: появлением на Военно-Грузинской дороге отряда вооруженных горцев²¹, что вызвало мгновенный испуг в иранском стане — на родине любая дальняя поездка всегда была чревата возможностью неожиданного набега племен, контролировавших караванные пути.

Пытливый и наблюдательный М. Афшар не оставляет без внимания населенную обочину, вдоль которой тянутся деревни (дех) с жилыми домами и хозяйственными постройками «в два ряда по прямой линии, между этими двумя рядами дорога для передвижения»²². В этой обжитой части дороги автора интересует не природный, а рукотворный пейзаж, который в Иране всегда был закрыт от взгляда стеной, являющейся одной из характерных черт любого поселения. Внешние стены являлись не столько данью местной градостроительной традиции, сколько признаком слабости центральной власти Каджаров. Даже во второй половине XIX в. в Иране они служили «защитным поясом» и для городов, и для деревень, «большая часть которых обнесена высокою стеною из того же материала, из которого построены дома. В этой стене одни ворота, которые на ночь запираются; сюда загоняются стада, пасущиеся днем в поле»²³.

Дорога по сельской местности однообразна, и деревня, как правило, является объектом подробного описания лишь для человека, связанного с землей. Поэтому неудивительно, что данные описания у М. Афшара фрагментарны, но тем не менее достаточны для того, чтобы понять, что цель автора — обозначить общую черту российской жизни, независимо

¹⁸ Orouji F. Book Review // *Iran and the Caucasus*. 2014. № 18. P. 199.

¹⁹ Naser ad-Din-shah Qajar. *Ruznameh-e safar-e avval beh Farang*. Bombei, 1876. P. 32.

²⁰ Afshar M. *Op. cit.* P. 342.

²¹ Балащенко Ю.Д. Указ. соч. С. 340.

²² Afshar M. *Op. cit.* P. 341.

²³ Березин И.Н. Путешествие по Востоку: в 2-х т. Т. II. Путешествие по Северной Персии. М., 2021. С. 125.

от того, идет ли речь о городе или о сельской округе — открытость, а значит, порядок (незам) и стабильность²⁴. М. Афшар отмечает, что в России и при въезде в город нет крепостей, а есть только неукрепленные городские ворота. Единственным объектом, который напрямую сопрягался с привычным для иранца городским пейзажем, являлся московский Кремль, напоминающий современному автору тегеранский «арк» (крепость), город в городе, отделенный от жилых кварталов крепостной стеной с запирающимися на ночь воротами, с официальной резиденцией шаха, дворцами знати и вкраплениями административных зданий.

Только столетие спустя, в 1930-е годы, иранская столица стала обретать те черты городской жизни, которые тщательно фиксировало перо путешествовавшего по России М. Афшара: «Городские улицы, широкие и прямые, мощенные булыжником, по обе стороны улицы на возвышении устроены неширокие проходы для пешеходов. Ширина улицы достаточна для экипажа и телеги. На каждой улице с двух сторон на расстоянии тридцати шагов стоят раскрашенные деревянные столбы, на них сверху укреплены стеклянные фонари... и на улице так светло, что прохожему не нужен светильник... Они весьма украшают город своим светом, особенно на Неве, на обоих берегах которой на мостах во всем городе установлены отражающиеся в воде фонари»²⁵.

Заинтересованный взгляд наблюдателя тщательно фиксирует яркие приметы другой культуры: обращенные к улице и украшенные колоннами фасады домов состоятельных горожан, разбитые перед домами сады и цветники. «Так как женщины не соблюдают хиджаб, — лаконично поясняет автор, — надобности в ограде и внутреннем дворе нет»²⁶. М. Афшар «заглядывает» в дома россиян и охотно делится с читателями своими наблюдениями. Российские подданные изображены им в самых разных бытовых ситуациях (во время семейного или гостевого обеда, домашних хлопот, прогулки), а также в такие важные моменты жизни человека, как сватовство, свадьба и смерть близкого, с подробным описанием всего ритуала — от соборования до укладывания «в ящик» (гроб)²⁷. Эти бытописательные записи являются обобщением как личных наблюдений автора во время десятимесячного пребывания в России, так и сведений, полученных «с российского голоса». В обоих случаях их тональность такова, что не содержит ни малейшего намека на ксенофобные оценки в описании быта россиян, которые были так распространены в официальных иранских текстах военного времени.

Дневник недвусмысленно дает понять читателю, что режим пребывания иранской миссии в России был достаточно свободным. Личное время могло быть использовано для посещений магазинов или даже не предусмотренных официальным протоколом встреч с представителями российской власти. О таком событии мимоходом сообщает автор дневника, как бы случайно столкнувшийся в обеденном зале одной гостиницы с графом А.И. Чернышёвым²⁸, в то время военным министром в правительстве Николая I. Подобные неформальные, а также и официальные контакты могут объяснить появление в тексте дневника отдельного большого раздела, свидетельствующего об изменении авторской оптики в изображении Российской империи.

Россия в этих частях показана не через бытовую деталь, а с ракурса жизни государства, которая освещается с разных сторон и сопровождается официальными, в том числе и статистическими, сведениями. Обилие цифровых данных, источник которых вполне очевиден, — они были предоставлены российской стороной, — придает убедительность этому образу. Любая информация этого раздела дневника, идет ли речь о количестве городов и портов, налоговой нагрузке населения или образовательных учреждениях, имеет статистическое

²⁴ Afshar M. Op. cit. P. 343.

²⁵ Ibid. P. 343–344.

²⁶ Ibid. P. 346.

²⁷ О характере повседневной жизни на Ближнем Востоке см., например: Смирнов В.Е. Роль исламского фактора в повседневной жизни правящей элиты османского Египта второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1–25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7

²⁸ Afshar M. Op. cit. P. 345.

подтверждение. «Заемный» характер данных заявляет о себе даже в мелочах: расстоянии, измеряемом в верстах, и оценке стоимости товаров в рублях. Хотя в кадjarскую эпоху представление о функционировании государства, опирающееся на цифру, лишь получало распространение, М. Афшар в своем уважительном отношении к статистике ориентируется на лучшие образцы административного творчества не столь отдаленного иранского прошлого — такие как «Тазкират ал-молук» («Памятная записка для царей») ²⁹ периода Сафавидов, которые почитались Каджарами как идеальные государи. «Сухой язык цифр» в дневнике М. Афшара несет в себе значительную пропагандистскую нагрузку и усиливает привлекательный образ великой державы без использования панегирических приемов традиционной поэтики. В нем отсутствует обязательная похвала, гиперболизированное описание объекта и обильное стилистическое украшательство, являвшиеся литературной нормой любого персидского нарратива этого периода, включая исторический.

Российское государство — воистину северный колосс, который занимает громадную территорию от Балтики до далекой и неведомой Америки, созданное усилиями монархов правящей династии, в том числе и коронованных женщин. Это безграничное пространство освоено многочисленным населением, принадлежащим к разным сословиям, народам и верованиям, наделено природными богатствами и обилием удобных путей сообщения, в том числе водных ³⁰. Возникающий под пером М. Афшара эпический образ России сродни воспоминаниям о великой иранской державе «от Рума до Чина», какой она запечатлена в национальном героическом эпосе.

Дневник скрупулезно воспроизводит сложную и иерархично упорядоченную структуру государственного аппарата в России со своей системой назначений и наград ³¹, которая выступает как антипод современной автору форме организации управления в Иране кадjarской эпохи, где политические институты практически находились в стадии становления. «Судят и рядят сановники в своих домах, при помощи “мирз”, секретарей, — отмечал посетивший Иран на рубеже 1830–1840-х годов выпускник Лазаревских курсов, профессиональный востоковед Н. Березин. — Это грамотные люди, владеющие тайною красноречивого слога; у них все решения в голове, а канцелярия, состоящая из “калямдана” (чернильницы) и свертка бумаги, заткнута за поясом» ³². Важно подчеркнуть, что из всего «сонма» важных российских сановников М. Афшар явно не случайно упоминает имена лишь троих: ведавшего иностранными делами влиятельного графа К.В. Нессельроде, военного министра А.И. Чернышѐва и «всесильного» министра финансов Е.Ф. Канкрин, которым, по его мнению, Россия обязана своей военной победой.

Автор дает понять, что успехи современной ему России коренятся в стремлении власти к освоению нового знания и в древности, и в недавнем прошлом. В изложении М. Афшара правительница Ольга совершила в свое время путешествие в Эсламбул (Константинополь), чтобы вывести русский народ из «языческого невежества», а Петр Великий воспринял «плоды европейских наук» ³³. Своеобразным «трофеем» Петра стали прибывшие с ним из Европы учителя технического прогресса ³⁴, при помощи которых Россия вышла на путь процветания.

Восхищенный тем, как в России поставлена система образования, автор полагает его доступным для всех слоев населения, включая детей-сирот. Особое внимание М. Афшар уделяет женскому просвещению. Действительно, к этому времени учебные заведения для девочек начинают создаваться не только в двух столицах, но и во многих губернских городах России. В светских салонах иранцам доводилось встречать женщин, которые уверенно

²⁹ Обширный свод анонимного автора, содержащий сведения о различных аспектах структуры и деятельности Сафавидского государства. *Tadhirat al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725)* / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge, 1943.

³⁰ *Afshar M.* Op. cit. P. 324–327.

³¹ *Ibid.* P. 296–317, 331–336.

³² *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 136.

³³ *Afshar M.* Op. cit. P. 318–320.

³⁴ *Ibid.* P. 327–328.

рассуждали о политике, что ставило их вровень с мужчинами. Автор дневника вспоминает об одной даме, которая умела «читать» карты сражений только что закончившейся русско-турецкой войны (1828–1829), самостоятельно отмечая на них расположение войск, и со смехом утверждала, что не прочь возглавить министерство или даже армию³⁵.

В понимании автора образование — это важнейшая ступень в достижении успеха как на индивидуальном уровне, так и в масштабах государства. Под пером М. Афшара слово «таракки» с традиционным значением «успех» и «повышение» приобретает новый смысловой оттенок — «прогресс», с которым оно войдет в политический лексикон эпохи преобразований середины XIX в. и станет ключевым в устах сторонников реформ: «Жаль, если мы, видя собственными глазами тот прогресс («таракки») и порядок, которых добился наш сосед за короткое время, не задумаемся о том, как и нам самим обрести такое же благо, чтобы не терпеть от него поражений и не ходить пристыженными в чужих краях»³⁶.

ЗА РАМКАМИ ТЕКСТА: РОССИЯ И ИРАН НА НОВОМ ЭТАПЕ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотренная выше часть дневника М. Афшара нацелена на создание образа России как сильной, постоянно расширяющей свои пределы державы с продуманным административным делением, четко структурированным властным аппаратом и армией, обеспечивающей это могущество. Свою немалую лепту в этот монументальный образ, несомненно, внес и сам «восхваляемый объект», снабдивший автора необходимыми для этого сведениями.

Хотя эта часть дневника внешне предельно аполитична, авторская позиция в ней заявлена вполне определенно. М. Афшар — выразитель идеи формирования новой линии межгосударственных отношений и переоценки войны как переломного события недавнего прошлого. Ракурс поражения в контексте сочинения уступает место видению новых политических перспектив, примиряющих с этой катастрофой.

Отнюдь не все члены иранского посольства разделяли эти взгляды. Еще во время поездки по Кавказу постоянно сопровождавший миссию переводчик И. Шаунбург отмечал, что новость о громких победах И. Дибича и И. Паскевича, знаменовавших успешное завершение войны с турками³⁷, была встречена с воодушевлением только Хосровом-мирзой. Большинство же представителей посольства отреагировало на это известие молчанием³⁸. Подобное стремление «сохранить лицо» перед неверными отметил и О.А. Пржецлавский, в то время сотрудник Министерства внутренних дел, присутствовавший вместе с иранцами на одном из военных парадов, устроенных в честь высоких гостей: «Однакож, — прокомментировал главнокомандующий Аббаса-мирзы выpravку российских солдат на плацу — я думаю, что если хорошо помолиться пророку, то можно бы их и побить»³⁹.

И. Шаунбург в своих отчетах указывает, что среди высокопоставленных членов посольства чувствовался недоброжелательный настрой, который Хосров-мирза пытался «приглушить». Весьма утомительными называет переводчик частые придирки иранцев к несоблюдению мелких деталей церемониала, связанного с их приемом⁴⁰, что побудило Хосрова-мирзу сгладить неприятное впечатление, подчеркнув, что эти нелепые претензии умаляют в первую очередь его достоинство принца и главы миссии: «Низшие ... обыкновенно всегда стараются перед старшими себя выказать свое достоинство и значительность»⁴¹. Шаунбург же дал понять Хосрову-мирзе, что ему ясен истинный смысл этих мелких «возмущений», и добавил: «Сие заставило меня напомнить ему, что причину поездки его в Санкт-Петербург нельзя было предвидеть в Туркменчайском мирном трактате, и посему она требует

³⁵ Ibid. P. 370.

³⁶ Ibid. P. 198.

³⁷ Имеется в виду Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

³⁸ Персидское посольство 1829 года. С. 194.

³⁹ Пржецлавский О.А. Беглые очерки. Хан Карабагский. — Шамхал Тарковский. — Хозрев-Мирза // Русская старина. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 404.

⁴⁰ Персидское посольство 1829 г. С. 192.

⁴¹ Там же.

еще некоторых доказательств на то право, которое они себе имеют желают»⁴². Тем более что прием иранского посольства был организован с соблюдением всех правил имперской выкладки и даже сопровождался такими незапланированными акциями, как, например, приветствие Хосрова-мирзы в Воронеже криками «ура» собравшихся у его резиденции горожан. К тому же принц не мог не помнить, в какое положение попала миссия князя А.С. Меншикова, прибывшая в Тегеран в канун войны 1826 г., участники которой оказались на положении военнопленных⁴³. При встрече в Петербурге он лично принес свои извинения князю за столь недружественный прием.

Для Хосрова-мирзы визит в Россию стал временем личного успеха как дипломата, что сулило и изменение его политического будущего на родине. К тому же принц быстро освоился в непривычной социокультурной среде, а возможность объясняться на французском языке и представления о европейском этикете, полученные в ранней юности от учителя-француза, помогли ему легко вписаться в светскую жизнь Петербурга, где он «по своему положению, изящным манерам и красоте сразу сделался львом дня» и приобрел славу «мастера в искусстве флиртации»⁴⁴.

Конечно, светский успех Хосрова-мирзы лег на подготовленную почву: высшее общество тех лет, как и вся Европа, переживало пик увлечения Востоком. Оно заявило о себе как модное течение в литературе, эксплуатировавшей ориентальные сюжеты, и в бытовой жизни представителей светских кругов (восточные шали и женские головные уборы, ковры и оружие как элемент салонного декора). Не случайно императрица Александра Федоровна имела в обществе лстящее прозвище Лалла Рук (от перс. композита «тюльпанолика») по имени героини одноименной поэмы Томаса Мура.

Светские победы Хосрова-мирзы были дополнены и зримым проявлением монаршего благоволения: помимо официального приема и отпускной аудиенции, он был дважды удостоен личной беседы с Николаем I, который заметно облегчил бремя контрибуции, наложенной на Иран в Туркманчае. Это давало основания полагать, что в дальнейшем Россия не останется безучастной также к его собственной политической судьбе и в вопросе о передаче престола сможет поддержать осуществление честолюбивых намерений принца, которым, впрочем, не суждено было реализоваться. Впоследствии, действуя в соответствии с буквой Туркманчайского трактата, Россия признала кандидатуру Мухаммада, старшего сына Аббаса-мирзы, в качестве наследника каджарского трона. Хосров же, объединившись с другим своим братом Джахангиром-мирзой, пытался оспорить решение Фатх-Али-шаха, но проиграл. Пережив после возвращения из России кратковременный триумф, принц был ослеплен и выслан из столицы.

Судьба же сочинения М. Афшара с описанием политических успехов Хосрова-мирзы сложилась удачно. Оно не затерялось в архивах, как два других дневника членов миссии, а копировалось, следовательно, находилось в работе, подтверждая свою актуальность. На сегодняшний день сохранилось пять копий дневника периода 1850–1860-х годов⁴⁵, когда каджарский трон впервые задумался о необходимости системных преобразований.

* * *

Искупительная миссия 1829 г. представляла собой визит с заведомо согласованной целью, которая соответствовала интересам обеих сторон. Острый внешнеполитический конфликт, грозивший перерасти в новый виток военного противостояния, был благополучно разрешен, и, покидая Россию, иранская делегация увозила с собой громадный груз

⁴² Там же.

⁴³ *Бартоломей Ф.Ф.* Дневник. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году. (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomej_F_F/text1.htm (дата обращения: 08.04.2024).

⁴⁴ *Пржецлавский О.А.* Указ. соч. С. 404–405.

⁴⁵ *Melville F.* Op. cit. P. 72.

подарков, подношений и покупок как «овеществленный преysкурant» того, что может предложить богатый и щедрый сосед-победитель своему недавнему противнику. Однако результаты визита далеко выходили за намеченные формальные рамки. Вне всякого сомнения, в лице одного из представителей каджарской фамилии Хосрова-мирзы Россия получала надежного агента влияния, а сам принц мог небезосновательно рассчитывать на покровительство российской стороны в отстаивании своих прав на престол.

Не имевший, по собственному признанию, «касательства к подобным вопросам»⁴⁶, М. Афшар, один из придворных переводчиков наследника престола, должен был лишь вести официальный дневник пребывания миссии в России. Однако эта работа была прервана новой задачей, поставленной перед автором, — подготовить в сотрудничестве с российской стороной служебную записку справочного характера, нацеленную на дальнейшее развитие межгосударственных отношений.

Конечно, иранская миссия находилась в России в исключительных обстоятельствах — ее представители были помещены в максимально благоприятную среду и получили возможность наблюдать жизнь российской аристократии с самого удобного ракурса, посещать самые современные промышленные предприятия, знакомиться с тем, как функционируют лучшие учебные заведения. Эти впечатления были обобщены М. Афшаром в серию очерков, подчиненных двудесяти задаче — развеять стойкий негативный образ северного соседа, рожденный войной, и показать российское государство, построившее на основе европейского опыта «свою собственную Европу», не уступающую по могуществу прототипу. Владение автором «языком франков», нечастое в каджарскую эпоху, являлось в данном случае необходимым инструментом освоения нового знания о современном мире «в надежде принести пользу делу упрочения веры и государства»⁴⁷.

Почерпнутые в России преобразовательные идеи в сочетании с османским имперским опытом дополнили копилку иранских представлений о прогрессе, в основе которого — единое государство как самая приемлемая форма устройства земного миропорядка, опирающееся на финансы, армию и образование.

Библиография / References

Базиленко И.В. Тегеранская трагедия 1829 г. в истории российско-иранских отношений // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 168–182.

Байбурди Ч.А., Борщевский Ю.Е. Искупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник «Рузнама-йе сафари Петербург» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970. С. 390–441.

Балащенко Ю.Д. Путешествие по Кавказу в 1829 году искупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-мирзой // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 324–351.

Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967.

Бартоломей Ф.Ф. Дневник. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году. (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomej_F_F/text1.htm (дата обращения: 08.04.2024).

Березин И.Н. Путешествие по Востоку: в 2-х т. Т. II. Путешествие по Северной Персии. М., 2021. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / собр. и изд. (с историческим обзором) Т. Юзефович. СПб., 1869.

Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (дата обращения: 06.04.2024).

Ляличак А.С. Трансформации образа Турции в советской сатирической прессе 1940-х — 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1–25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1

Персидское посольство 1829 года // Российский архив. 2003. Т. XII. С. 187–241.

⁴⁶ Afshar M. Op. cit. P. 198.

⁴⁷ Ibidem.

Пржецлавский О.А. Беглые очерки. Хан Карабагский. — Шамхал Тарковский. — Хозрев-Мирза // Русская старина. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 400—406.

Смирнов В.Е. Роль исламского фактора в повседневной жизни правящей элиты османского Египта второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7

Baiburdi CH.A., Borshchevskii Iu.E. Iskupitel'noe posol'stvo Khosrov Mirzy v Rossiю v 1829 g. i ego dnevnik "Ruznama-je safari Petersburg" [Khosrow Mirza's Redemption mission of Khosrow Mirza to Russia in 1829 and his diary "Ruznama-ye Safari Petersburg"] // Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka [Written Records and Problems of the Cultural History of the Peoples of the East]. Moskva, 1970. S. 390—441. (In Russ.)

Balaian B.P. Mezhdunarodnye otnosheniia Irana v 1813—1828 gg. [Foreign Relations of Iran in 1813—1828]. Erevan, 1967. (In Russ.)

Balatsenko Iu.D. Puteshestvie po Kavkazu v 1829 godu iskupitel'nogo posol'stva Irana, vozglavlivshegosia persidskim printsem Khosrov-mirzoi [A Journey of the Iran's Mission of Apology Headed by the Persian Prince Khosrow-Mirza through the Caucasus in 1829] // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [From the History of the North Caucasian Peoples Culture]. Vyp. 15. Stavropol', 2022. S. 324—351. (In Russ.)

Bartolomei F.F. Dnevnik. Posol'stvo kniazia Menshikova v Persiiu v 1826 godu. (Iz dnevnika general-leitenanta F.F. Bartolomeia) [The Diary. Embassy of Prince Menshikov to Persia in 1826. (From the Diary of Lieutenant General F.F. Bartholomew)] // Vostochnaia literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [Eastern Literature. Medieval Historical Sources of the East and West]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomei_F_F/text1.htm (access date: 08.04.2024). (In Russ.)

Bazilenko I.V. Tegeranskaia tragediia 1829 g. v istorii rossiisko-iranskih otnoshenii [The Tehran tragedy of 1829 in the history of Russian-Iranian relations] // Khristianskoe chtenie [Christian Reading]. 2017. № 5. S. 168—182. (In Russ.)

Berezin I.N. Puteshestvie po Vostoku: v 2-kh t. T. II. Puteshestvie po Severnoi Persii [Journey to the East: in 2 vols. Vol. 2. Journey to Northern Persia]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovyie [Russia's Treaties with the East. Political and Trade] / sobr. i izd. (s istoricheskim obzorom) T. Iuzefovich. Sankt-Peterburg, 1869. (In Russ.)

Liul'chak A.S. Transformatsii obraza Turtsii v sovetskoii satiricheskoi presse 1940-kh — 1950-kh gg. [Transformations of the Image of Turkey in the Soviet Satirical Press of the 1940s — 1950s] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. № 10 (98). S. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1 (In Russ.)

Persidskoe posol'stvo 1829 goda [The Persian Mission of 1829] // Rossiiskii arkhiv [Russian Archive]. 2003. T. XII. S. 187—241. (In Russ.)

Przhetslavskii O.A. Beglye ocherki. Khan Karabagskii. — Shamkhal Tarkovskii. — Khosrev-Mirza [Quick Essays. Khan of Karabagh. — Shamkhal Tarkovsky. — Khosrow Mirza] // Russkaia starina [Russian Antiquity]. 1883. T. XXXIX. № 8. S. 400—406. (In Russ.)

Smirnov V.E. Rol' islamskogo faktora v povsednevnoi zhizni praviashchei elity osmanskogo Egipta vtoroi poloviny XVIII v. [The Role of the Islamic Factor in the Daily Life of the Ruling Elite of Ottoman Egypt in the Second Half of the 18th c.] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. № 10 (98). S. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7 (In Russ.)

Zapiska generala Ermolova o posol'stve v Persiiu v 1817 g. [General Ermolov's Note About the Mission to Persia in 1817] // Vostochnaia literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [Eastern Literature. Medieval Historical Sources of the East and West]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (access date: 06.04.2024). (In Russ.)

Afshar M. Safar-name-he Khosrov-mirza beh Pererzburg. Tehran, 1970.

Arinpur J. Az Saba ta Nima. Tehran, 1971.

Ingram E. Britain's Persia Connection, 1798—1828: Prelude to the Great Game. Oxford, 1992.

Mathee R. Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars // Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective / eds A. Amanat, F. Vejdani. New York, 2012. P. 101—126.

Melville F.I. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian Encounters. Empires and Revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. New York, 2013. P. 69—94.

Naser ad-Din-shah Qajar. Ruznameh-e safar-e avval beh Farang. Bombei, 1876.

Orouji F. Book Review: George Bournoutian, From Tabriz to St. Petersburg: Iran's Mission of Apology to Russia in 1829 // Iran and the Caucasus. 2014. № 18. P. 197—200.

Tadhirat al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge, 1943.